

Александр В. Липатов

Цивилизационный излом

В перспективе судеб цивилизации первая мировая война явила собой реальный – историко-культурный, а не условный – календарный – конец XIX в. Обрушив его миропорядок и обнажив иллюзорность утопии позитивистского миропонимания, она одновременно возвестила начало нового этапа европейской цивилизации и таила в себе предпосылки еще более глобального – охватывающего абсолютно все сферы общественного и индивидуального бытия – конфликта, который и предопределил облик надвигающегося столетия. Зарождаясь в лоне первой мировой войны, оно было порождено ею как продолжение присущего ей типа мышления и характера реализации плодов такого мышления. Теперь – из перспективы уже XXI в. – двадцатый век предстает не в хронологических категориях смены столетий, а как особая и замкнутая во времени историческая эпоха радикального раздвоения секулярного мышления и последующего противостояния двух его параллельных материализаций. Одно являло собой концептуальную зрелость и практическое воплощение тоталитарных утопий, реализация которых полностью разрушила сами аксиологические основы европейской цивилизации. По-своему и с тем же конечным результатом, что и средневековая Церковь, тоталитарные режимы претворяли в жизнь идеи создания общества идеального в своей монолитности и абсолютной управляемости, с тем что духовную роль конфессии играла секулярная идеология, а институтов

Церкви – партийная организация и партийное государство. Это – «новое средневековье» – как секулярный аналог Средневековья христианского противостояло другому типу секулярного мышления, насильственно подавляя и жестоко искореняя его носителей и его институты на манер святой инквизиции, но в несравненно более широких масштабах и на неизмеримо более высоком технологическом уровне. Этой второй параллелью материализации секулярного мышления были государственно-демократические системы со свойственным им открытым обществом и идейно-культурным плюрализмом¹.

Первая мировая война, разрушая устоявшиеся каноны культуры и уничтожая сложившиеся государственные образования, свойственные им политические системы, вызволила те центробежные силы, которые до этого, будучи маргинальными, сдерживались внутри этих образований и контролировались их институтами.

Первопричиной военного столкновения всех народов одной цивилизации, истоком этого первого опыта самоуничтожения Европы, коллективного самоубийства составляющих ее наций был исторически объективный и хронологически длительный процесс внутреннего раздвоения той изначальной аксиологии и ею обусловленной системы мировидения, которая стала основой возникновения, становления и развития европейской цивилизации. Исторически – со времен Возрождения, позднее Просвещения, а затем позитивизма второй половины XIX – начала XX вв. – нарастающая критическая масса этого внутрицивилизационного излома и вызвала общецивилизационный взрыв первой мировой войны.

Элита власти в Европе ставила свои политические цели, пренебрегая теми аксиологическими основоположениями, на которых зиждилась европейская цивилизация. Способом же достижения этих целей традиционно являлись разные типы насилия, крайним проявлением которых была война. Для

---

¹ Поппер К. *Открытое общество и его враги*. -Т. 1-2. - Москва - 1992. Кин Д. *Демократия и гражданское общество*. – Москва, 2001.

социотехнической манипуляции общественным сознанием в целях мобилизации масс ради достижения стратегических целей государственной политики конструировалась сама идея войны как национальной целесообразности и гражданского долга. Для этого имперIALные планы передела чужих владений облекались в популистскую оболочку национально-государственной идеи. Защита родины, помощь «братским народам», поддержка единоверцев, солидарность с политическими союзниками – все это, взывая к патриотизму масс и возбуждая в массовом подсознании дремлющие там изначально атавистические инстинкты агрессии и восприятия «чужого» как врага, возвышали идею войны до уровня высочайшей нравственной ценности. Тем самым политический Олимп Европы изначально – связанное с христианской аксиологией становления цивилизации – понимание войны подменял ее сугубо секулярной трактовкой.

Конфликты изначально сопутствовали истории человечества, будучи порождением самого человеческого естества. Исходя из исторического опыта и самой антропологической сути бытия, христианство осмысливало такого рода неизбежность реальности в категориях морального императива, нравственности, стремясь тем самым подчинить прагматику мышления *profanum* логике миропонимания *sacrum*. Отсюда отношение Церкви к войне как к неизбежному злу, отсюда и изначально просматриваемая в учении Церкви о войне сама диалектическая трактовка этого зла применительно к конкретным реалиям всеохватывающей политики и к навязываемым ею крайностям ситуации индивидуального этического выбора.

Возникшая в раннем Средневековье и присущая первоосновам общеевропейской культуры концепция войн справедливых и несправедливых была сформулирована св. Августином (354-430), а позднее развита св. Фомой Аквинским (ок. 1225-1274). Затем – во времена Возрождения – европейский резонанс обрели возникшие в русле этой богословской традиции идеи голландца Эразма Роттердамского (ок.1469-1536) и его младшего современника – поляка Анджея Фрыча

Моджевского (ок.1503-1572), латиноязычные труды которого издавались на Западе в оригиналах и переводах. Общей для Эразма и Моджевского была развиваемая ими концепция войн справедливых (оборонительных) и несправедливых (захватнических), а также вытекающие отсюда конкретные вопросы, связанные с обороноспособностью государства и политическими методами разрешения конфликтов. Уже св. Августин, трактуя мир как «гармонию порядка», соблюдаемую справедливыми – основанными на законах – политическими объединениями, признавал право вооруженной защиты этого миропорядка. Ответственность же за принятие такого рода решений целиком лежит на политиках. Конечной целью справедливой войны является установление прочного мира и справедливости. Эти основополагающие идеи по сей день присутствуют в римско-католической доктрине (энциклики Павла VI и Иоанна Павла II).

Первоначально связанная исключительно с теологией трактовка войны наложила отпечаток на светскую правовую мысль, начиная с эпохи Средневековья, когда возникают и кодифицируются *jus ad bellum* (право на справедливую войну), *jus contra bellum* (предпосылки и поводы решения конфликтов мирным путем), *jus in bello* (законы ведения войны), что отразилось также в рыцарском кодексе чести. С этих времен в международном праве усиливается тенденция к ограничению юридических поводов решения конфликтов военными методами. Отражением такого пути исторического развития правосознания европейской цивилизации является эволюция антивоенного права (*jus contra bellum*) и институтов его соблюдения. Своего рода историческим итогом этого процесса в преддверии первой мировой войны явилась Гаагская конференция 1907 г. Непосредственный же путь к ней означали такие вехи в устремлениях европейской дипломатии, как выдвинутая Наполеоном III в 1863 г. идея созыва конференции для обсуждения вопроса об ограничении вооружений, а затем предложение (1899) Николая II обсудить проблему ограничения вооружений, ведущих к военному столкновению. Эта

идея имела фундаментальное научно-теоретическое обоснование, вытекающее из конкретных выкладок и практических расчетов. Ее автором был уроженец Царства Польского Ян Готтлиб Блох (1836-1902) - финансист, экономист, предприниматель (с ним, в частности, связано строительство железной дороги, соединившей Петербург с Варшавой). Зачинатель нового в европейской науке подхода в исследовании войны как общественно-политического явления (шеститомный труд «Будущая война в аспекте техническом, экономическом и политическом» 1899-1900), он приходит к выводу, что современный уровень военной техники настолько высок, что затраты на наступательные действия делают войну нерентабельной. Своими экономическими расчетами и футурологическими прогнозами Я. Г. Блох сумел заинтересовать Николая II и убедить его в необходимости новой европейской политики. Следствием этого был созыв Гаагских конференций 1899 и 1907 гг. и принятых на них постановлений.

Параллельно светской мысли о мире эволюционировало и светское мышление о самом феномене войны. Переломным моментом в этом процессе стал трехтомный труд К. фон Клаузевица «О войне» (1832-1834). Будучи квинтэссенцией принципиально нового философствования на вечно актуальную тему, он предопределил общую научную теорию трактовки войны в «старой доброй Европе».

Рассматривая вооруженное столкновение как легитимный способ достижения поставленных целей (политических, общественных, территориально-экономических), Клаузевиц аргументирует невозможность осознания природы войны, ее внутренней сути вне постижения связей и соотношений факторов морально-психологических (которые не поддаются измерению) и материальных (которые следует взвесить, просчитать и практически реализовать). Сама же война как столкновение сил моральных и материальных осуществляется средствами сугубо материальными, являя собой некое триединство, которое составляют стихия враждебности и ненависти, игра вероятности и случайности, а также соподчиненный

этим факторам и их использующий инструментарий политики. Первый из этих факторов связан с народом, второй – с военным руководством и армией, третий – с правительством. Причем фактор моральный, который играет важнейшую роль, не поддается логике расчета, а тем самым и предвидению. Сама же война является продолжением политики, но с применением уже иных средств. Поэтому именно политика, обращаясь к военному методу достижения своих целей, должна выработать стратегию войны².

Обращенное вспять - к опыту прошлого - инерционное мышление правящей элиты «старой доброй Европы» в своих планах военного решения политических проблем оказалось не в силах учесть хозяйственно-экономические, общественные и национальные последствия научно-технической революции, чтобы в соответствии с общепризнанной концепцией Клаузевица внести в свою стратегию войны поправки на современность Европы Новейшей. Сама же эта стратегия, выстроенная лишь в обратной перспективе истории и вне прямой перспективы, открывающей специфику современности, тем самым проигнорировала конкретные технические выкладки и экономические расчеты Я. Г. Блоха, равно как и вытекающие из них политические выводы и футурологические суждения.

Несоизмеримое с прошлой историей количество вооружений, их несравнимое с минувшим качество и принципиально новые виды (подводные лодки, танки, броневики, автомобили, самолеты, пулеметы, газы, радиотелефонные средства связи), сам невиданный до сих пор масштаб военной промышленности и немислимая ранее численность масс, поставленных под ружье, – все это вследствие отстающего от все нарастающих темпов развития научно-технической цивилизации менталитета и самого культурно-исторического кругозора политических элит обернулось крушением «старой доброй

---

² R. Bierzanek, *Wojna a prawo międzynarodowe*. Warszawa 1982; S. Koziej, *Teoria sztuki wojennej*. Warszawa 1993. M. Howard, *Wojna w historii Europy*. Wrocław 1990. J. U. Nef, *War and Human Progress. An Essay on the Rise of Industrial Civilization*. New York 1950. R. Aron, *Pokój i wojna między narodami*. Warszawa 1994.

Европы». В ее руинах из более чем 73-миллионной массы мобилизованных осталось навечно свыше 11 млн. 102 тыс. (больше, чем во всех войнах XVIII-XIX вв. вместе взятых). Потери среди мирного населения – 15 млн. 700 тыс.³. В этом саморазрушении народами своей цивилизации, массовом взаимоуничтожении («чужих» во времена войны и «своих» в чередѣ спровоцированных ею революций и брожений), в катастрофическом упадке не только уровня жизни, но и традиционных норм морали и права (в том числе законов ведения войны), распаде общецивилизационных представлений о добре и зле зарождалась новая Европа не только в плане историко-культурном, но и государственно-политическом. В ходе войны на континенте обрушились все империи – Австро-Венгрия, Германия, Россия и Османская Порты. Следствием распада воюющей с собой Европы было возникновение новых национальных государств⁴. Результатом же вызванной войной культурной деградации духовного кризиса и социально-политического развала было возникновение тоталитаризмов (фашистская Италия, большевистский СССР, нацистская Германия), отзвуки и воздействия которых в разной степени и масштабе проникли во все страны европейского континента и Америки.

С точки зрения истории европейской цивилизации и ее истолкований – теперь, из перспективы начинающегося XXI в., окончательного крушения тоталитарных систем, развития процессов глобализации и формирования Европейского Сообщества – все более и более убедительной становится фило-

---

³ См. *Мировые войны XX века*. Кн.1-2, - М., - 2002; M. Ferro, *La grande guerre 1914-1918*. Paris 1969.

⁴ Это были Польша, Чехословакия, Югославия, Литва, Латвия, Эстония. Попытки создания собственной государственности рядом народов развалившейся в гражданской войне бывшей Российской империи сразу же встретили сопротивление белых, а в конечном счете были подавлены красными.

софско-социологическая концепция П.Сорокина⁵ и историко-софско-культурологическая - Н. Бердяева⁶. Обе они - близкие по типу мышления и идейной направленности - формировались в контексте двух параллельных «диагнозов» духовного и физического состояния организма европейской цивилизации и в противостоянии им. Согласно первому, причины болезни - в изживших себя государственных устройствах и экономических системах. Отсюда в качестве излечения предписывались реформы. Второй же констатировал состояние коллапса, предвещающего неотвратимый конец цивилизации.

Н. Бердяев и П. Сорокин, рассматривая феномен Европы в сопряженных аспектах диахронии (история цивилизации) и синхронии (современное ее состояние), приходят к выводу, что причины нынешнего кризиса восходят не к сферам политики и экономики, а таятся в глубинах человеческого самосознания, системообразующей основой которого является аксиология. Отсюда, рассматривая всю европейскую историю в свете ценностей, основополагающих для отдельных составляющих ее эпох, с точки зрения принципов человеческой деятельности и поведенческой мотивации, они констатируют: современный кризис означает не конец цивилизации, а переходный период от одной доминантной сверхсистемы культуры к другой.

В фундаментальном труде П. Сорокина с точки зрения примата культурных ценностей (а именно это является системообразующим стержнем его концепции) просматриваются в процессе социокультурной динамики и классифицируются три основных вида культур - **идеациональный, идеалистический и чувственный**. Для ы религия, идея Бога является основополагающим принципом системы, всеобъемлющим и соединяющим воедино все сферы общественной жизни и

---

⁵ Наиболее полное отражение она получила в его англоязычных трудах «Социальная и культурная динамика» (Т.1-4, 1937-1941) и «Кризис нашего времени» (1941). См. первое русское издание фрагментов: Сорокин П. *Человек. Цивилизация. Общество*. - Москва, 1992.

⁶ «Этюд» - как его нарек сам автор - «Новое средневековье» (1923) сразу же обрел колоссальный успех, был переведен на множество языков и переиздается до сих пор.

индивидуального бытия, все проявления материальной культуры и художественного творчества, тогда как для **чувственного** основой основ является сенсуализм: мир это только та реальность, которая воспринимается органами чувств. Отсюда вещное, материальное восприятие мира (когда эмпиризм отделяет от социальных ценностей религию, добро, красоту) распространяется на всю общественную реальность - от политики до религии, от этики до права, от повседневной прагматики до литературы и искусства⁷. Своего рода промежуточный между этими двумя видами является **идеалистический**, который представляет собой их синтез, «созданный нашим разумом»⁸.

Смена этих трех видов культур в истории европейской цивилизации объясняется тем, что «ни одна система не включает в себе всю истину, также как ни одна другая не является целиком ошибочной». Суть же в том, что «каждая из систем частично истинна и достоверна, предоставляя знание

---

⁷ П.Сорокин констатирует: «Отстраненность эмпирического аспекта реальности от всех ее других сторон трагически сузила мир значений и ценностей и чрезвычайно обеднила бесконечное богатство в социально-культурной жизни, и вселенной, включая даже чувственное счастье. Безразличие эмпирической нации к добру и красоте сделало ее аморальной и даже циничной. Она оказалась, таким образом, готовой служить любому барину, будь то Бог или мамона, любой цели, социально полезной или вредной, созидательной или разрушительной. С одной стороны, она создает мир, полный полезными дарами, с другой - наиболее изощренные средства разрушения человеческой жизни и культуры. Ядовитый газ, бомбы и другие взрывоопасные вещества такие же детища эмпирической науки, как и холодильники, лекарства, тракторы и им подобные изобретения. На одной половине планеты свобода мысли и творчества уже сбита с толку теми, кто научился контролировать разрушительные силы, созданные эмпирической наукой. Наука опустилась до роли прислужницы современных «варваров», которые хорошо усвоили лозунг эмпиризма: «Истина суть то, что удобно и полезно; из нескольких возможных условий наиболее верно то, которое мне больше всего подходит». Поэтому эмпирическая наука, доведенная до своего логического завершения, еще раз проложила путь к своему окончательному падению». (Сорокин П. *Человек. Цивилизация. Общество*. М., 1992. - С. 484).

⁸ Сорокин П. Ук.соч. - С. 463. «Человеческий разум, - заключает свой вывод П. Сорокин, - таким образом соединяет в единое целое истину чувства, истину веры и истину разума. Это основное, что касается идеалистической системы истины и познания».

важнейших аспектов сложной объективной реальности»⁹. Современная же реальность рассматривается П. Сорокиным как кризис именно чувственного вида культуры, ценностная система которого низвела человека «до уровня электронно-протонового комплекса и рефлекторного механизма»¹⁰. Выходом из этого состояния цивилизации будет преодоление **чувственного** вида культуры путем «перехода к **идеациональной** этике и праву», что означает обретение «новой абсолютизации и универсализации ценностей»¹¹.

Время, отделяющее нас от Н. Бердяева и П. Сорокина, свидетельствует в пользу выдвинутых ими идей: конец цивилизации не свершился, цивилизации переживает кризис исторически очередного типа культуры, который П. Сорокин квалифицирует как **чувственный**.

Осознание конца «старой доброй Европы» и начала Европы XX в. в свете именно культурного состояния цивилизации, а тем самым определенной системы ценностей, означает попытку рассмотрения этого процесса не в свете общественно-политической истории и свойственных ей хозяйственно-экономических факторов, а **аксиологии** как всеобуславливающей сферы идей, которыми руководствуются отдельные индивиды и целые социумы во всех видах практической деятельности (включая ту же политику и экономику), равно как и в художественном творчестве.

Раздвоение общецивилизационного процесса (социально-политическая динамика, с одной стороны, а с другой – эволюция культуры, зиждящейся на тех гуманных ценностях,

---

⁹ Там же. – С. 474. И несколько далее следует умозаключение: «Истина чувств дает знание о чувственных нерациональных аспектах объективной реальности; истина разума – ее рационального аспекта; истина интуиции – ее металоогического и метачувственного аспектов. Как уже было отмечено, даже современная естественная наука и технология заключают в себе не только истину чувств, но, как, например, в области математики и логики, большую долю истины, разума. В конечном итоге обе истины упираются своими корнями в интуицию и веру в качестве основных постулатов науки». (Там же. – С. 474-475.)

¹⁰ Там же. – С. 503.

¹¹ Там же. – С. 504.

которые стали первоосновой *Pax Christiana*) постепенно – с концом Средневековья – по мере своего усугубления создавало все нарастающее внутрицивилизационное напряжение. На протяжении XIX в. его темпы стремительно ускорились: эпоха формирования наций, времена институциональной зрелости национальных государств и складывающегося национального самосознания – все это являлось локальными источниками тех центробежных сил, которые противостояли, а в конечном итоге (коим стала Первая мировая война) возобладали над центростремительными силами, порожденными надэтническим универсализмом европейской цивилизации.

Национальные культуры, являя собой двуединство самосознания нации и сознания ее принадлежности к изначальным – универсальным – ценностям наднациональной цивилизации, тем самым сближали народы Европы. Поэтому, порождая те духовные и художественные ценности, которые отражали развитие нации и ее культуры, они одновременно обогащали европейский универсум. В противовес этому национально-государственные идеологии, расчлняя такое внутреннее двуединство и противопоставляя его составляющие, разделяли народы одной цивилизации и сталкивали их в целях достижения властными элитами поставленных политических целей¹². Спекулируя на национальных чувствах, манипулируя понятием патриотизма, который в критические моменты игры политических интересов перерождался в шовинизм (отсюда толстовское: «Патриотизм – последнее прибежище негодяев»)¹³, национально-государственные идеологии создавали

---

¹² О понятиях культуры национальной и официальной, соотношении элементов универсального и локального в процессе культурной эволюции см. Липатов А.В. *Славянское Просвещение в европейском контексте // Литература эпохи формирования наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. Просвещение. Национальное возрождение.* – Москва, 1982.

¹³ Параллелью такому типу русского национального мышления является тот тип национального мышления поляков, который представлял современник Л.Н.Толстого поэт-мыслитель Ц.Норвид: «Благородный человек не мог бы и дня прожить в Отчизне, счастье которой не было бы только процентом от счастья Человечества». (С. Norwid *Pisma wszystkie.* Т. 7. Warszawa 1973. S.50.). Жизни и творчеству Норвида посвящена глава в *Истории польской литературы* (Т.1, Москва, 1968).

свою особую систему ценностей. Противостоя традиционной – изначальной – аксиологии цивилизационного универсума (которая во времена Просвещения обрела секулярную составляющую в комплексе идей космополитизма), она исподволь разрушала культурное единство Европы, ибо оно разрывало двуединство национального и универсального.

Подчиняя государственному идеалу все сферы бытия нации и все институты (а в их числе Церковь), государство трансформировало традиционные для наднациональной цивилизации – **универсальные** – этические понятия, мораль и мировоззренческие идеи (включая саму идею Бога) в **локальные** (национально-государственные). Тем самым традиционная для цивилизации – изначальная – аксиологическая сущность была превращена в формальную оболочку, призванную скрывать подлинное идеологическое ядро¹⁴.

Беспрецедентная по своим масштабам на протяжении всей предшествующей истории первая мировая война – это взрыв достигшей критической массы напряженности, вызванный раздвоением цивилизационной аксиологии и внутренним столкновением ее составляющих во всех сферах национально-государственных самопроявлений цивилизации. Сама же масштабность этого пика внутрицивилизационного кризиса – не только количественная (поставленные под ружье массы), но и качественная (новые виды вооружения, работающая на войну индустрия) – разрушила формальную оболочку. Все разрастающееся пламя военного взаимоистребления испепеляло камуфляж пропаганды, сокрушало насаждаемые стереотипы официального патриотизма и необходимого ему

---

¹⁴ В русской классической литературе это обрело художественное воплощение в главе «Великий инквизитор» из *Братьев Карамазовых* Ф.М. Достоевского, а в наше время – в романе *Жизнь и судьба* В. Гроссмана (столкновение коминтерновского интеллектуала Мостовского с эсэсовским интеллектуалом Лиссом и монолог последнего). См. Липатов А. В. *Литература и факт* // *Studia Polonica*. – Москва, 1992.

образа «врага отечества»¹⁵. Обнажив скрываемую под лексической формой оболочки национально-государственных ценностей их подлинную идеологическую сущность, а тем самым истинный характер войны, грандиозная бойня народов тем самым открыла массам глаза на свершенную институрами государства аксиологическую подмену. Обнажились цели элит власти, представ в противоречии изначальной для цивилизационного универсума ценностной основе. Ее первоэлементы этики и морали - понятия добра, справедливости и сострадания - оставались присущими как культуре секулярной, так и конфессиональной. Поэтому-то массовая вера в официальную Идею рухнула, оставив после себя пустоту, растерянность и порождаемую этим деградацию, которая обрела выход не только в падении нравов и бесчинствах, но и в стихийных бунтах, которые еще больше разжигали и с помощью своей идеологической демагогии использовали в собственных целях радикальные политические группировки.

Духовному обвалу способствовал и сам характер невиданного в истории столкновения наций, аранжированного национальными государствами. «Прежние войны, - отмечает в этой связи Г. Померанц, - вели профессиональные армии, сохранявшие что-то от рыцарских правил игры. Народы в целом не воевали. Возвращаясь к родным очагам, солдаты всасывались мирной средой, растворялись в ней... Мировая война все это переменила. Она загнала в окопы слишком много мужчин - добрую половину во всех цивилизованных странах. И цивилизация начала расплзаться, как старая кожа змеи, и вылезла жестокость. Жестокость вошла в искусство, даже в религию... Жестокость надула паруса идеологий и классовой

---

¹⁵ Это преобразование патриотизма в шовинизм - подавление изначальных ценностей цивилизации ценностями национально-государственной идеологии достаточно красноречиво отражает лозунг Австро-Венгерской империи начала войны: "Alles Serben müssen sterben!", равно как нарушения законов войны всеми воюющими сторонами, насилие над мирным населением и жестокость к военнопленным, причем особенно со стороны прокламирующих свою «культуртрегерскую» для славян миссию австрийцев и немцев. (О зверствах над русскими военнопленными см. *Мировые войны XX века.* - Кн. 1. - Москва, 2002).

борьбы... Война развязала вкус к жестокости, и он окрасил XX век»¹⁶.

Прямым следствием первой мировой войны было возникновение тоталитарных режимов – большевистского в бывшей Российской империи, фашистского в Италии и нацистского в Германии. Идеологически санкционированный культ насилия над собственным населением и сопряженная с этим пропаганда войны (мировой революции) как средства достижения политических целей, культивирование ненависти к врагу (классовому у большевиков, «недочеловекам», «низшим расам» у нацистов) как средство мобилизации масс для борьбы за высшие – национально-государственные – ценности, отождествляемые с программой партии и культом вождя, – все это, будучи «детонацией» взрыва первой мировой, отражало внутрицивилизационный кризис того вида культуры, который достиг фазы зрелости в течение XIX в.

Демократические страны, в которых сам тип функционирования политической системы зиждился на принципах взаимосвязи и взаимозависимости государства с гражданским обществом, стремились к реализации антивоенного курса как во внутренней, так и внешней политике. Это было другим – прямо противоположным тоталитаризмам – следствием первой мировой. Столь ненавистный всем тоталитарным режимам пацифизм отражал вызванное шоком войны и крушением воинствующих государственных национализмов отрезвление наций, их обращение-возвращение к универсальным ценностям цивилизации.

Итак, аксиологическое раздвоение цивилизации теперь материализуется и в системно-политическом раздвоении Европы. Это и прямое следствие первой мировой, и непосредственное отражение вызванной ею динамизации кризиса определенного вида культуры.

Демократические страны в своем стремлении всеми силами сохранить мир выражали общественное мнение, с которым

---

¹⁶ Померанц Г. *Вкус к жестокости* // Родина. – 1993. – № 8/9. – С. 173.

правительства не могли не считаться в силу как государственного устройства, так и самого типа политической культуры. Мюнхенское соглашение было следствием политики, продиктованной настроениями абсолютного большинства демократических наций, которое затем – после нацистской аннексии Чехословакии и аншлюса Австрии, в период предвещающего новую войну гитлеровского ультиматизма Польше – выступало под лозунгом «Не хотим умирать за Данциг!».

Мюнхен – полное отражение ценностной ориентации демократического Запада и его полное непонимание феномена тоталитаризма, который, опираясь на силу и проповедуя силу, только силу принимал во внимание. Поэтому и общаться с ним можно было только с позиции силы. Этот урок демократия усвоила благодаря второй мировой войне и использовала в годы холодной войны.

Мюнхен был иллюзией демократии, а не ее «сговором» с Германией Гитлера, как это утверждалось в советском идеологическом лексиконе. Сговором же Германии Гитлера с Советским Союзом Сталина были соглашения, подписанные в Москве 23 августа 1939 г., а затем – после совместной оккупации Польши – закрепленные договором «о границах и дружбе» 29 сентября того же года. При всех идеологических различиях этих двух тоталитаризмов ценностная ориентация, тип культуры и менталитет элиты власти Германии и СССР настолько совпадали, что как свидетельствует И. фон Риббентроп, на обратном пути из Москвы «данцигский гауляйтор... сказал: порой он чувствовал себя просто «среди своих старых партайгеноссен»¹⁷. Такого рода *coincidentia oppositorum* – совпадение противоположностей большевизма и нацизма – обусловлена тождеством этих типов тоталитаризма в сфере этики и морали, которые были полностью перемещены в сферу партийной идеологии и опирались на принципы партийной целесообразности.

---

¹⁷ Риббентроп И. фон *Между Лондоном и Москвой*. – Москва. – 1996. – С. 161.

Крушение тоталитаризмов, ликвидируя системно-политическое раздвоение Европы, тем самым одновременно обозначает перспективу ликвидации ее аксиологического раздвоения в сфере общественно-государственного устройства. В сфере же морально-ценностных установок эта тенденция как реакция на конец «старой доброй Европы» и первую мировую войну проявилась сразу же после ее окончания в философии (крупнейшие представители – Н. Бердяев и П. Сорокин), а особенно широко в литературе. Ее творцами преимущественно были те, кто сам изведal окопную жизнь. Поэтому сама тема стала для них прежде всего отражением собственных жизненных испытаний, интеллектуально-художественным переосмыслением пережитого, иначе говоря – самовыражением, а не чем-то внешним, идеологически либо эстетически заданным.

Подлинная идея войны, развязанной политической элитой Европы в 1914 г. ради передела империльных владений и сфер влияния, обнажилась в ходе самой войны и была настолько скомпрометирована и уничтожена самой же войной, что литература не смогла откликнуться на это новым «Дон Кихотом». Эпический шедевр Сервантеса философски был грустным и ироничным прощанием с рыцарством и рыцарственностью Средневековья, а эстетически – трагедией его популярнейшего литературного жанра – рыцарского романа. Литература же после Версальского мира откликнулась на уход в прошлое миропорядка XIX в. едко и сатирично – «Швейком» – этим Санчо Панса «старой доброй Европы».

Снижение жанра (от героики романа о войне до традиции плутовского романа) и героя (от возвышенно-благородного воина до пройдошливого простака) – все это интеллектуально и эстетически отражает как упадок идей, двигавших «старой доброй Европой», так и упадок самой этой Европы, предощущаемый Ницше, Шпенглером, Ортега-и-Гассетом, а на иной лад – Марксом, его последователями и эпигонами.

Война не только обнажила создаваемый и скрываемый социотехническими манипуляциями властных элит

цивилизационный излом, но и взорвала внешний цивилизационный лад изнутри.

Гибель Большой Идеи, скрепляющей цивилизацию, аннигиляция ее локальных составляющих – традиционных национально-государственных идеологий, агрессивно-имперских идей, раскалявших теперь воинственно-шовинистический угар, вылились в братание на фронтах, массовое дезертирство, брожение в армии и революционные взрывы в тылу. Поэтому-то в образовавшемся идейном вакууме, на пепелищах разрушенной европейцами Европы не возник, да и не мог возникнуть эпос, как «Иллиада» во времена античности, «Песнь о Роланде» – в эпоху Средневековья, «Неистовый Орландо» – в эпоху Ренессанса, «Освобожденный Иерусалим» – во времена Барокко, «Полтава» – в эпоху романтизма, «Война и мир» – во времена реализма.

Гибель Большой Идеи цивилизации предопределила в литературе отказ от эпической перспективы. Ее устремленность в целостный макромир теперь, когда он свою целостность утратил, «опрокинулась» в противоположную сторону, трансформируясь в обратную перспективу, которая открывалась на внутренний мир индивидуума, экзистенциальные проблемы личностного бытия и судьбы тех, кто был брошен в горнило бессмысленного самоуничтожения. Это характерно для литератур по ту и другую сторону разделенной войной Европы, для литератур всех народов, вовлеченных в общеевропейскую бойню. При всем различии идейно-эстетических установок и своеобразии творческих индивидуальностей такая перспектива является общей для ставшей классикой военной прозы Ремарка, Барбюса и Хемингуэя на Западе, с одной стороны, а с другой – в Центральной и Юго-Восточной Европе – для славянских литератур, отражающих свой национальный вариант, воссоздающих свое, локальное видение общеевропейского кризиса цивилизации и обретения собственной государственности. В Чехии – это Франя Шрабек, Карел Конрад и др., в Словакии – Ян Грушовский, Мило Урбан, в Сербии – Иво Андрич, Милош Црњанский, Драгиша

Васич, в Хорватии – Мирослав Крлежа и Аугуст Цесарец, в Словении – Прежихов Воранц¹⁸. Даже для поляков, чьи легионы своими штыками восстановили государственную независимость, война предстает в литературе отнюдь не в эпическом сиянии и патетической тональности. С. Жеромский, В. С. Реймонт, Ю. Каден-Бандровский, А. Струг и др. показывают ее жестокость, безнравственность и трагизм индивидуальных судеб.

Особая ситуация России предопределила особенность ее литературы. Здесь первая мировая война переросла в войну гражданскую – в столкновение Больших Идей – России давней и России революционной – исторической и внеисторической. Поэтому-то русская литература отразила прежде всего не мировую войну, а войну внутриросийскую, положившую конец исторической России и давшую начало СССР.

Столкновение двух Больших Идей всколыхнуло страну, ее народы и ее искусство. Эти Большие Идеи породили как новую литературу, так и ее эпическую перспективу – «Тихий Дон».

Гражданская война стала не только ведущей темой, но и основной драмой российской истории. Поэтому-то лишь полвека спустя к теме первой мировой войны обратился А. И. Солженицын. Однако его эпопея «Красное колесо» уже самим своим названием обращена к основной драме российской истории. Первую мировую писатель стремился осмыслить в перспективе последующей трагедии России – массовой гибели не только людей, но и идей, которыми эти люди жили и на которых зиждилось их государство.

Литература, по-своему осмыслив факты и художественно отразив конец Европы XIX в. и начало Европы века XX, наряду с документальными материалами является с точки зрения исторической антропологии тем важнейшим источником, который засвидетельствовал состояние умов, мироощущение, менталитет, ценностную мотивацию и поведенческие

---

¹⁸ См. *История литератур западных и южных славян*. – Москва, 2001.

установки переломного периода. Поэтому именно сфера художественного творчества (включая все его виды, не только искусство слова) особо способствует осознанию внутрицивилизационного кризиса определенного вида культуры и опознанию тех явлений и тенденций, которые предвещают его преодоление.